

КОРМЧИЙ С МОЛУККСКИХ ОСТРОВОВ

Радиопьеса о кругосветном путешествии
португальского мореплавателя Магеллана
в 1519—1522 гг.

Lotsen från Moluckas

ПЕРЕВОД Э. ФАЙЗУЛЛИНА (проза) и Т. БЕК (стихи)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Магеллан.
Себастьян.
Лейтенант.
Хуан.
Доминго.
Фрио.
Винсентос.
Педро.
Священник.
Диаз Реалес.
Марко Сильвио.
Рикардо.
Монте.
Погонщик осла.
Городской стражник.
Крюйтмейстер.
Герольд.
Солдаты.

I

Слышно, как священники читают католические молитвы.

Голос. Пиши! Королевский указ, данный в Гранаде в лето господне тысяча пятьсот девятнадцатое. Я, император Максимилиан, величаемый верноподданными Его Великолепие, и мой внук и наследник престола, гранд грандов, Карл, девятнадцати лет; мы, под сенью святой Церкви правящие Испанией со всеми ее землями и морями, открытыми, а также неоткрытыми, соизволяем в сей день издать наш королевский указ...

Слышны всплески весел галеры, удары профоса, отбивающего счет по глухо звенящей наковальне, свист плеток надсмотрщиков и т. д.

Крик одного из гребцов. *A la banda!*¹

Его не слышат, пока гребец не крикнул в третий раз.

Надсмотрщик (*издалека*). Кто просился *a la banda*?

Один из рабов. Мне кажется, какой-то раб у весел в середине корабля, в нижнем ярусе под нашей палубой.

Снова звуки весел и ударов профоса.

Надсмотрщик. Здесь? Это ты кричал, раб?

Раб. Да, я.

Надсмотрщик. Стража, сюда. Освободите его.

Раб (*торопливо*). На сколько ударов весел я свободен?

Надсмотрщик. На пятьдесят, затем опять к скамье, торопись! Считай удары по наковальне, это часы рабов-галерников. Иди!

Слышны близкие звуки ударов весел и наковальни, постепенно они удаляются.

Крики морских птиц. Они быстро затихают и переходят в соло флейты, грустную и однообразную мелодию.

Погонщик осла. Что это? Что видел я? В море, там, далеко-далеко, вдруг, как вежа, встал человек. Может быть, это сам Нептун? А сюда, в сторону моря,

¹ К борту! (*исп.*)

идет матрос, судя по походке. В Севилье что-то происходит: это и слышно и видно. Герольды каждый день трубят с башни. А я всего лишь сторожу осла. Что, если пробраться в город и попробовать наняться юнгой на большую галеру? Послушай, матрос!

Педро. Чего тебе, погонщик осла?

Погонщик осла. Я хотел попросить у тебя совета. Как ты думаешь, стоящее дело пойти на корабль юнгой?

Педро. О, как никогда раньше. Сейчас время открытий. Корабли один за другим уходят в рейсы за пряностями. Близятся хорошие времена, парень, и для золотоискателей, и для пиратов, и для таких искателей счастья, как я. Верь мне! Хорошие времена близятся, *богатые времена*.

Погонщик осла. Я видел человека, там, далеко. Он поднялся, как вежа, из моря. Как ты думаешь, может, это Нептун является?

Педро. Нет. Он редко показывается. А вот беглецы с галер обычно плывут к берегу как раз в том месте.

Погонщик осла. А ты сам откуда идешь, матрос?

Педро. От ведьмы в Сагрей, я купил у нее ветры.

Погонщик осла. Ветры? Разве можно купить ветры?

Педро. А ты не знал? Покупаешь три узла. Развязываешь первый, получаешь бриз. Когда развяжешь второй, будет сильный ветер.

Погонщик осла. Ну, а третий?

Педро. Как только развяжешь его, получишь ураган. Берегись этой метлы, она здорово метет. Всего хорошего.

Погонщик осла. Прощай, матрос. А что, если я пушу осла на подножный корм и последую за тобой?

Педро. Давай. Только смотри не попадись юнгой ко мне. Я спуска не даю. Прощай.

Погонщик осла. Прощай.

Педро. Послушай, погонщик осла.

Погонщик осла. Да?

Педро. В таверне «У мавра» в Севилье живет шкипер, он ходит в рейсы за пряностями. Магеллан зовут его. Найди его. Ну а меня зовут Педро, я матрос. Пойдем вместе. Осла отпусти. Здесь, в тени городских ворот, трава сочная.

Погонщик осла. Я иду с тобой, с тобой.

Педро. Так отпусти осла, пока стражник в башне у городских ворот не смотрит в бойницу.

Погонщик осла. Пусть идет.

Марш, скотина Валаамова, на волю —

наслаждайся жизнью вволю,
дивную вкушая долю!

(Хлопает в ладоши.)

Педро. Стражник! Стражник! Спит он, что ли, этот старик в башне.

Стражник *(хлопает в ладоши)*. Слышу, слышу! В чем дело, чертовы бродяги? Что нужно вам в Севилье?

Педро. Мы матросы и просим тебя открыть ворота в город. Магеллан может вот-вот отплыть.

Стражник. А, вы к Магеллану! Проходите. Но смотрите, если начнете побираться в городе, вас посадят в портовую галеру. Проходите.

Скрежет городских ворот.

Педро. Ну, вот и закрылись за тобой городские ворота, погонщик осла. Есть у тебя монетка для стражника?

Погонщик осла. Монетка? Разве это стоит денег?

Педро. Деньги за науку, понимаешь ли, ты должен заплатить. Давай сюда монету. Я потом передам ее стражнику.

Погонщик осла. Хорошо, вот тебе монета, это все, что у меня осталось. А разве у тебя ничего нет, матрос?

Педро. Деньги за науку ты должен заплатить сам. Я же говорил.

Погонщик осла. Так отдай же монету стражнику.

Педро. Голова садовая. Я оставляю монету себе. Разве не видишь, что старик опять заснул? *(Насвистывает.)* Прощай.

Погонщик осла. Какая наглость. Взял мою монету и ушел. Какая наглость. Итак, я в Севилье без гроша в кармане. Городские ворота закрыты, и старик в башне уснул, и осел, конечно, убежал в лес. Ну что ж. Попытка не пытка.

Вокруг него слышен шум толпы.

Ну и народу же здесь. Видно, собралась вся Севилья. Не иначе что-то должно произойти.

Магеллан. Здесь ли Себастьян де Кано?

Себастьян. А, это ты, Магеллан. Быстро же ты вернулся.

Магеллан. Я приехал из Гранады на осле, взятом взаймы. Устал с дороги. Но грамоту получил. Вот твоя.

Себастьян. Пресвятая дева! Тебе это все же удалось. Что говорил император?

Магеллан. О, мне пришлось выдержать высочайший

гнев. Золотоносная Мексика — вот чему предано в эти дни самое могучее сердце Испании. Но поскольку папа издал свою буллу еще в тысяча четыреста девяносто четвертом году, то теперь нужен раздел моря. В особенности на юго-западе. В той стороне мир еще не разведан и в булле обозначен лишь как предположение, которое надо доказать. Таким образом, наши отношения с Британией вынуждают его послать нас, хоть и против воли, измерять морские просторы. Я говорю — против воли, ибо сердцем он в Мексике, там, где золото.

Себастьян. Что же за корабли нам дали?

Магеллан. Те пять серых корыт, что стоят у причалов.

Себастьян. С нами бог! Так вот что досталось нам!

Магеллан. Вот именно. Они названы нашими.

Себастьян. Н-да. Стало быть, их мы получили.

Магеллан. Именно. И, глядя на них, надо стараться не верить в дурные предчувствия. Для того чтобы плавать на этих жалких посудинах, понадобится все наше терпение и все умение.

Себастьян. Воистину так, капитан, я говорю то же самое.

Магеллан. Тот капитан Доминго, что поведет третий галеон, он здесь?

Себастьян. Да. Сидит в матросском кабачке. Но вот совет тебе, Магеллан.

Магеллан. Догадываюсь, о чем ты хочешь сказать. Я знаю. Прочти это письмо. Слуга Доминго, у которого зуб на своего господина, положил мне его под тазик. Я нашел его, когда умывался утром. Письмо адресовано Сетане, капитану четвертого галеона. Читай. Начни здесь, в середине свитка.

Себастьян (*читает*). «И поскольку император, в конце концов, все же ожидает от этого плавания золото, мы могли бы устроить так, чтобы, когда плавание нам надоест и пробьет час, направиться туда, где есть золото. Этот умысел ты должен иметь в виду и действовать по обстоятельствам. Однако помни, что наш умысел не должен раскрыться преждевременно, потому что император в этом случае легко может понять нас превратно. Таким образом, я ожидаю, что ты каждый день будешь подавать мне условленные знаки, какие мы договорились в долгом плавании подавать друг другу испанским флагом. Остаюсь твой верный королевский контролер и сотоварищ Доминго». (*Закончив чтение.*) Вот, значит, какие дела. Так я и думал. И с этими людьми нам придется обогнуть землю!

Магеллан. Никому ни слова. Сделай вид, что ничего не случилось. Нам бы только отплыть, а там все будет в наших руках. Может быть, цинга и бурный океан спутают их планы, измотают и обессилят их — но так или иначе, все будет в наших руках.

Себастьян. А команда?

Магеллан. Команда? На команду я полагаюсь до тех пор, пока не дадут о себе знать физические лишения. Но в этом случае лишения и нытье будут и нашим уделом, если только мы не станем питаться лучше их, а это я запрещаю. И все же может настать день, когда все будет против нас. Тогда команда, движимая понятным отчаянием, захочет убить кормчего и навигатора. Такую возможность нам следует предвидеть.

Себастьян. О Магеллан, мрачны твои пророчества. В своей пронизательности ты думаешь прежде всего о самом худшем. Но я пойду за тобой. Потому что ты прав. Наивные надежды — не для моряка, который видел, как умирают в муках от чумы и цинги, видел, как умерших бросают в океан на корм ленивым акулам на протяжении всего рейса от острова Сюзанны до Лиссабона.

Магеллан. Хорошо. В таком случае идем на смотр.

Звук трубы.

Герольд. «Королевский указ, данный в Гранаде в лето господне тысяча пятьсот девятнадцатое. Я, император Максимилиан, величаемый верноподданными Его Великолепие, и мой внук и наследник престола, гранд грандов, Карл, девятнадцати лет; мы, под сенью святой Церкви правящие Испанией со всеми ее землями и морями, открытыми, а также неоткрытыми, соизволяем в сей день издать наш королевский указ, согласно которому Grande Pelota¹ капитан Фернан де Магеллан возьмет пять из наших кораблей, стоящих у арсенала в устье моей реки Гвадалквивир, чтобы пройти на них вокруг тверди мира нашего, на которой мы живем земной жизнью. В случае, если Земля действительно круглая, как это утверждал Капитан Колумб, корабли, выйдя из Гвадалквивира и описав дугу, возвратятся в Испанию, как бы проведя линию килем вокруг земли к вящей славе господа и Испании. Да приложит он всяческие старания и да покажет себя истинным кормчим, неукоснительно наблюдая за всем, достойным внимания, что встретится ему в круге земном. Дано в Испании в лето господне тысяча пятьсот девятнадцатое. Максимилиан — Карл».

Шум.

¹ Великий навигатор (исп.).

Тише! «Король в своем великолепии решил также, что Grande Pelota Себастьян де Кано...» Здесь ли он?

Себастьян. Да.

Герольд. «...будет в только что милостиво упомянутой экспедиции вторым капитаном. Следовательно, что Магеллан и де Кано со своими знаниями и большим шкиперским опытом, приобретенным в дальних плаваниях за пряностями, будут как бы первопроходцами и кормчи-ми в вышеупомянутой особой милостью снаряженной экспедиции, и пусть они на флагманском корабле «Виттория» прокладывают путь другим и продвигаются вперед всеми средствами, как водится в плавании за пряностями, с той лишь разницей, что на этот раз плавание будет столь долгим, что мы в своей королевской милости не можем назвать срок возвращения. Максимилиан — Карл».

Себастьян (*тихо*). Ты слышишь, Магеллан? Мы первопроходцы и кормчие, а кто же остальные?

Магеллан. Остальные уже получили свои назначения. Они военные.

Себастьян. Вот наш эскорт? Что же, корабли потащат на себе груз железа, надетого на всех этих латников?

Магеллан. Да, таков приказ. Однако пришел Герольд.

Герольд. Капитан Магеллан. Люди, которые еще не прошли смотр для службы на флагманском корабле, ждут.

Магеллан. Очень хорошо. Пусть трубач протрубит сбор.

Герольд. Трубач!

Звук трубы, шум.

Магеллан. Матросы и юнги! Подходите по одному к этому столу. Говорите ваши имена и где вы проходили службу. Себастьян! Прошу тебя заносить сведения в список.

Себастьян. Слушаюсь. Кто первый?

Фрио. Сальвадор Фрио. Был галерным рабом у мавров.

Магеллан. Сколько же лет просидел ты в цепях на галере?

Фрио. Шесть лет на мавританской триreme.

Магеллан. На каком весле?

Фрио. Среднее весло в нижнем ярусе.

Магеллан. Как ты освободился?

Фрио. Однажды ночью, отпросившись по нужде, я сумел бежать.

Магеллан. Ты сидел на среднем весле и был прикован в нижнем ярусе. Значит, тебя считали одним из самых опасных?

Фрио. Да, для мавров.

Смех.

Магеллан. Хорошо. Себастьян, занеси Сальвадора Фрио в списки.

Себастьян. Слушаюсь. Какая будет у него должность в такелажной команде?

Магеллан. Матрос такелажа фок-мачты, отвечает за снасти и бочки.

Себастьян. Хорошо. Отойди в сторону! Следующий!

Винсентос. Карло Винсентос. Плавал восемь раз на Канарские острова. Обучался шитью парусов и знаю пять созвездий.

Магеллан. Отлично! Испытаем тебя. Возьми этот шкерт и завяжи узел под названием «сеть святого Петра». Следующий! Имя и история жизни?

Диас Реалес. Диас Реалес. В настоящее время матрос. Был юнгой под началом Васко да Гамы. Силен и очень вынослив. Пережил многих, умерших от цинги. Дальнозоркий, вижу землю раньше других.

Магеллан. Видишь солнце до его восхода или как?

Смех.

Внеси его в списки. Матрос кормовой мачты, отвечает за паруса «Генуэзец» и фок. Рулевой на вахте святого Луки. Следующий!

Педро. Педро Монтана. Юнга под началом Габиаля. Матрос под началом капитана Диаса.

Магеллан. В списки. Такелажный матрос, отвечает за «фонарь святого Петра». Отойди в сторону. Следующий!

Сильвио. Марко Сильвио. Два года плавал на ганзейских кораблях. Служил матросом под началом капитана Огды. Много плавал под купеческим флагом, порт приписки — Бристоль, мирное плавание в рискованных условиях. Бывал в Исландии.

Магеллан. Это хорошо. Та-ак. Ты плавал в Исландию. Запиши его матросом, отвечает за национальный флаг. Следующий!

Винсентос. Капитан, по вашему приказанию завязал узел под названием «сеть святого Петра».

Магеллан. Так, так. Неплохо. Запиши его матросом, отвечающим за три паруса: «Отец», «Монахиня» и «Папа римский». Следующий!

Смех.

Ну, не бойся, выходи вперед, юнга. Твое имя? Ведь истории жизни у тебя, наверное, нет никакой?

Рикардо. Рикардо Мария Буэнавентура Кордоба Готес.

Магеллан. И откуда же ты?

Рикардо. Из Таррагоны.

Магеллан. Запиши его юнгой, пусть отвечает за косые паруса, якорный трос, и да хранит его бог. Отойди в сторону, юнга. Ты там, подойди сюда.

Погонщик осла. Энрико Беллависто, до сего времени погонщик осла.

Смех.

Магеллан. Юнга под началом матросов. Стань с другими. А ты там, в стороне! Как тебя зовут?

Смех.

Монте. Эдоаль Монте. Каютный слуга. Горбат с рождения, но могу читать и писать. Прослышал утром, что на флагманском корабле нужна корабельная прислуга и повар.

Магеллан. Где ты служил до этого?

Монте. Каравелла «Санта Филиппа», рейсы за пряностями на Молуккские острова.

Магеллан. Запиши его. Корабельная прислуга на полуоте, с обязанностями варить, жарить, следить за провиантом. Первый пробует, с риском для жизни, неизвестную пищу и получает за это дополнительно каждое новолуние две серебряные монеты. Кроме того, разливает спиртные напитки.

Оживление.

Кто еще?

Себастьян. Никого, остальные уже внесены в списки.

Магеллан. Хорошо! Сейчас будет прочитан устав. Слушать внимательно!

Себастьян (*читает*). «Команда на судне от шкипера и ниже подчиняется законам той страны, под флагом и именем которой она служит. Команда на корабле подчиняется капитану, если только он не будет пьян до бесчувствия, или не помешается по причине солнечного удара, или не начнет бредить в лихорадке, или у него не затуманится сознание от цинги. Тогда они подчиняются помощнику капитана. В случае мора на корабле люди подчиняются тому, кто выше по званию, старше или лучше всех. За мятеж, подстрекательство и морской разбой — повешение. Лень и небрежность, а также прит-

ворная глухота наказываются кошкой у грот-мачты, или прыжком с верхней реи, или протаскиванием под килем, но лишь в том случае, если лень и небрежность не появились по причине цинги или иной болезни. Главное для людей на корабле — здравомыслие. Под этим понимается здравомыслие в несчастье, во время шторма, чумы, здравомыслие перед маврами при abordage, здравомыслие перед чужим берегом, здравомыслие перед разбойниками всяческого рода. Здравомыслие, сохраните его во имя господа. Подписано: Магеллан».

Музыка.

Ю

Магеллан

Мы мчимся под ветром на всех парусах —
как «Санта-Мария» на запад летела...
О шкипере Скольпе забыли в верхах,
в объятиях смерти Колумбово тело.

А нынче мы шар огибаем земной —
морские просторы бездонны и грубы.
Мы редкие пряности в мире найдем,
чтоб сунуть имбирь в королевские зубы.

Коль нужен тебе до зарезу корабль,
ищи высочайшего соизволенья...
И вполз я к монарху, и речь я держал,
пред жалким правителем пав на колени.

Он жаден до злата. И так я сказал:
«Великой Гранады великий владыка,
прошу я не лучших твоих кораблей,
но ты завалившие мне подари-ка!»

Король, улыбнувшись, пожаловал мне
пятерку Кортесом отвергнутых суден...
И вот мы плывем кругосветным путем,
который неведом, прекрасен и труден.

(Читает вахтенный журнал.) «Вахтенный журнал галеона «Виттория» на сорок девятый день после отплытия от Севильского мола. Ветер западный, переходящий в южный. В этом месте мы отклоняемся от пути Колумба и держим курс, по нашим наблюдениям, приблизительно на залив Солиса. Экипаж настроен бодро, за исключением

двух юнг, которые тоскуют по дому и зовут маму». Дальше записано, где стояла стрелка компаса, когда вошло солнце... «Эскорт страдает морской болезнью. Судовой священник заболел морской болезнью. Все хорошо. Магеллан».

Винсентос. Марсовый, что нового?

Педро. Ничего. Море и небо. В твою вахту, наверное, тоже ничего не будет. Неужели юнги так больны, что никто из них не может сегодня посидеть в бочке?

Винсентос. Так говорят. Чего им не хватает, так это хорошей зуботычины и линька. Возьмусь за них, как только море позволит. Ну, вылезай.

Педро. Ладно, полезай в бочку. Я иду вниз, к штагу. Вот так!

Винсентос. С нами крестная сила! Ну и качка же сегодня.

Педро. Это уж точно. Говорят, пошли на юг, уходим с курса Колумба.

Винсентос. Говорят, что мы идем к заливу Солиса, что там будто бы есть золото. Доброй вахты! Ну, я пошел вниз.

Педро. Доброй вахты.

Шум ветра, скрип блоков, крики морских птиц.

(Тихо разговаривает сам с собой.) Да, вот и приходится мне сидеть и зевать в этой бочке. Совершеннейшая скукота, никаких происшествий. Подо мной по воде ползут пять корыт. А я сижу здесь, на верхотуре, и раскачиваюсь. Неизвестно, чем кончится это плавание, прости меня господи. Неизвестно, чем это все кончится. *(Начинает тихо, монотонно напевать, отчетливо выговаривая слова.)*

Дочь трактирщика найду я,

обженюсь—и буду сыт.

Мигом брюхо ей надую—

никуда не убежит!

Среди кружек благодать

свою милку миловать!

(Вздыхает и громко зевает, затем—гудящим басом.)

На корабельной мачте сидел и пел медведь:

— Ох, и не просто судну по морю лететь!

К чертям—и мыс, и острова!

От моря кругом голова.

Волны... Волны...

Крики морских птиц, шум ветра.

Доминго (*читает вахтенный журнал*). «Вахтенный журнал судна «Санта Крус» на сороковой день, считая со дня отплытия из Севильи, преславного города милостивого господина нашего короля. Погоды довольно свирепые, а Магеллан вдруг утром сего дня изменил курс и ушел на юг от Колумбова пути. О том дал он нам утром сигнал флагом Изабеллы, и нам осталось только следовать за ним. Мне это кажется необдуманном, я-то полагал, что в первую очередь мы пойдем на Острова попугаев. Поэтому, если в ночь быстро и вдруг случится какая беда от ветра или течения, да падет это на Магелланову голову и пусть он отвечает за порушенные бушприт и шпангоут. Доминго».

Крики морских птиц, шум ветра.

Себастьян. Колесница Солнца нашего Вселенского движется в направлении Овна, Тельца и Близнецов— главных созвездий Зодиака,— а также Рака, Льва, Девы. Набухшие от влаги, уходят в сторону тучи и открывают Весы, Скорпиона и Стрельца. Как промерзшие льдинки движутся последние созвездия: Козерог, Водолей, Рыбы.

Бьет судовой колокол.

Погонщик осла (*благоговейно*). Идет вахта святого Петра. Проверить паруса, канаты и найтовы. На вахту! На вахту!

Матросы (*все*). Слышим. Слышим.

Бьет судовой колокол, крики морских птиц.

III

Педро. Вот уж и сто девятнадцатый день, как мы в море. (*Вздыхает и зевает.*) Ну и огромен же наш мир. Трудненько становится, когда он начинает вот так расти.

Винсентос. Это уж точно. И весь свет, и море это— чересчур для матросика, живущего на червивых сухарях и тухлой солонине.

Фрио. Шкипер Магеллан сам питается не лучше.

Винсентос. Ну, это его дело.

Педро. Тыфу, вода вся гнилая. Меня тошнит от нее, все нутро выворачивает.

Винсентос. Свиньи в Севилье и то живут лучше.

Фрио. Но они не найдут островов с корицей, имбирем.

Винсентос (*насмешливо*). Острова с корицей? Как будто мы их нашли. Нет, браток. А теперь все идет к морозам. Здесь же холодно, как в Исландии. И будет еще

холоднее, это чувствуется. Почему он не дал нам подольше передохнуть в заливе Солиса, где мы копали колодцы? Я ведь потом видел у себя под ногтями золотой песок. Он называет это южным курсом, и мы будем плыть, пока бог от нас не отвернется и сатана нас не возьмет.

Фрио. Не хнычь, как полоумный, у него другой замысел. Если можно, выйдя из Севильи, приплыть опять в Севилью, значит, земля круглая.

Педро. Заткнись! Оставь при себе свои утешения, галерный раб. Разве можно галерных рабов брать в матросы? Они толстокожие, как Левиафан. Что? Тебе говорю, галерный раб, не смотри на меня так. Ты что, пугаешь меня глазами? *(Насмешливо.)* Ничего удивительного, что ты сидел у среднего весла в нижнем ярусе в рабстве на галере. Мавры знали, что делали.

Фрио *(предостерегающе)*. Педро! Педро!

Педро. Отпусти меня, отпусти, тебе говорят. *(Дерутся.)*

Фрио. Ну уж нет. Ты хулишь меня за мое же несчастье.

Винсентос. Тихо! Тихо! Магеллан делает обход судна, сейчас будет здесь.

Фрио. Нет, это юнга ходит вокруг с фонарем святого Эльма. Наша вахта сейчас пойдет к такелажу и рулю. Но тебе я хочу сказать, Педро, что в следующий раз ты будешь называть меня матросом, а не галерным рабом. А не то я тебя убью.

Юнга *(в дверях)*. Святой Эльм приближается. Матросам пора на вахту. Вечерняя проверка такелажа.

Бьет судовой колокол.

Винсентос *(говорит сам с собой)*. Идет вахта святого Эльма. Так вечер за вечером. Мы плывем уже словно целую вечность.

Фрио. Одеты?

Педро *(спокойнее)*. Да, матрос, натялили на себя все, что есть. Вообще-то здесь надо одеваться в овечью шерсть. Повторяю то, что уже сказал. Это море холода, далекое от всякой корицы.

Скрип блоков.

(Громким шепотом.) Винсентос!.. Винсентос.

Винсентос. Да, Педро, где ты? Тебя не найти в этой темноте.

Педро. Я сижу за парусом «Капитан Фриго». Ползи сюда, под парус «Монашка». Вот так.

Винсентос *(нерешительно)*. И... и... что же ты

скажешь о капитане Магеллане?

Педро. А ты сам что скажешь?

Винсентос. Я не понимаю таких людей...

Педро. Каких—таких?

Винсентос. Ты же слышал, что он сказал в тот вечер, когда огни святого Эльма плясали вокруг вершушек мачт и весел? Он сказал, что это пока еще невозможно объяснить, потому как мы очень мало знаем о том, что происходит на свете.

Педро. Подумать только, что такое говорит шкипер об огнях святого Эльма.

Винсентос. Он играет с огнем. А ведь ветер—как бы это сказать—может повернуть. Ты готов в таком случае, Педро?

Педро. Да, Винсентос, я готов.

Винсентос. Тогда ты знаешь, как обстоят дела. В один прекрасный день Доминго, может быть, вырвется из флотилии и поплывет к Золотому Берегу. А там есть родниковая вода, хлебное дерево, золотой песок.

Педро. И коричневые женщины.

Винсентос. И коричневые женщины. Только бы цинга не скрутила Доминго. Но тихо. Капитан Себастьян идет.

Себастьян (*командует*). Матросы! Все наверх, поставить еще один парус! Три подсобных оставить! Второй крепить! (*Свистит в боцманскую дудку.*)

IV

Крики морских птиц. Удары судового колокола. Звуки рога раздаются поочередно на каждом корабле.

Лейтенант (*тихо*). Как странно звучат сигналы рога в пустынном море. Жуткий звук. Испанская гвардия плачется, словно птица в бесцельном полете. И я, лейтенант, воистину гнию вместе со своим эскортом на корабле, бесславно плывущем в неизвестность. Суета сует. Кто мог думать, что плавание так затянется, что Земля так страшно велика. Крюйтмейстер, эскорт построен?

Крюйтмейстер. Да, ваша милость.

Лейтенант. Благодарю. Пусть эскорт начнет упражняться в фехтовании пика против копья. Только не продырявьте парус, как вчера. Здесь тесно, как в корыте.

Крюйтмейстер. Слушаюсь, ваша милость. (*Командует.*) К копью! Защита! Начинай!

Удары копий друг о друга.

К ноге!

Стук тупых концов копий о палубу.

К копыю! Защита! Начинай!

Удары копий друг о друга.

К ноге!

Стук тупых концов копий о палубу.

Лейтенант. Очень плохо. К копыю! Защита! Начинай! Быстрей, быстрей!

Быстрый обмен ударами.

Быстрей! Прекратить. На караул!

Солдаты идут строевым шагом.

К ноге!

Стук тупых концов копий о палубу.

На караул! К ноге! Владение оружием хорошо в приеме на караул, плохо в быстрых ударах. Но это, видно, зависит от недостатка помещения. Худшего судна я не видел. Вольно! Разойтись! Марш!

Топот солдат, шагающих строевым шагом, удаляется по палубе.

Крюйтмейстер!

Крюйтмейстер. Ваша милость!

Лейтенант. Пусть упражняются завтра с абордажными крюками. Иначе ноги у них одеревенеют. Тесак против пики. Упражнения с копьями подождут, пока мы доплывем до какого-нибудь острова. Вольно!

Крюйтмейстер. Да, ваша милость!

Топот солдат, шагающих в ногу.

Вперед!

Лейтенант (*говорит сам с собой*). Да, пока они еще шагают, но скука уже заедает их, это видно. Насколько лучше было бы эскортировать обычный корабль, перевозящий пряности. А это корыто, которое к тому же называют флагманским судном, эта неизвестность... Морская болезнь сменяется упражнениями, и упражнения—морской болезнью. Вольно! Марш! Куда, смотреть надо! Черт возьми, чуть неосторожно повернешься, глядишь—уже продырявил парус. (*Глубоко вздыхает.*) О, эти торговые суда, где воин обречен пробираться по тесным палубам, терять силу, вооруженный, закованный в броню, но лишенный движения.

Свистки боцманской дудки, топот бегущих ног, говор.

Ну побежали матросы, будут что-то делать с парусами, юнги полезут наверх. Что ж, придется потесниться...

Вечно всем мешаешь, как нищий на базарной площади. Господи, прости меня и помилуй, и за что меня сюда назначили?

Себастьян. Свежий ветер. Усиливается килевая качка.

Магеллан. Ты убрал лишние паруса, как я распорядился, когда пробило пять склянок?

Себастьян. Да, у нас сейчас только подсобные паруса. Нижний зарифленный «Папа римский», половина фока и косой парус на штаге.

Магеллан. Я думаю, у нас сейчас скорость около пяти морских миль. Будем придерживаться ее. Шторм гонит флагманский корабль вперед и мешает Доминго осуществить свой замысел, а я опасался этого еще с тех пор, как мы прошли Канарские острова. Надо быстро идти вперед, и пусть они догоняют нас. Когда мы достаточно удалимся от известных морей, они наверняка потеряют охоту ко всяким выходкам. Пойду сделаю запись в вахтенный журнал.

Себастьян. А я займусь зодиаком. Сейчас ясное звездное небо. Монте! Подай мне инструменты.

Музыка.

V

Доминго (*читает записанное им в вахтенном журнале*). «И у меня, капитана Доминго, есть тяжкие обвинения против Магеллана. Во-первых, он никогда не убирает паруса и не ложится в дрейф, так, чтобы мы могли сообщаться между кораблями, а постоянно вынуждает нас идти вперед день и ночь, день и ночь. Мое судно и три других вынуждены догонять его, как запыхавшиеся собаки бешеного всадника. Так он очень спешно, на всех парусах ушел из залива Солиса, хотя там горы богаты золотом, и многие могут подтвердить, что мы с помощью дикарей могли накопать его столько, что им можно было бы загрузить три судна, и это принесло бы неоценимую пользу королевской казне. Кроме того, в отступничестве от религии хочу я обвинить его, потому что он не просит нас прислать священника для мессы на свой флагман, а ведь судовой священник «Виттории» как будто тяжело заболел морской болезнью. Все это вынудит меня в один прекрасный день предать дело в руки божьи и взять в свои собственные. Доминго».

Музыка. Когда музыка замирает, слышатся голоса.

Первый голос
Я—Диас Реалес,
служивший при Васко да Гаме.
Однажды я струсил, завидя
пиратов-арабов с мечами,
и спрятался в бочку.
Однако в ней щель оказалась,
и я, отощавшую руку просунув,
чью-то спину вспорол.
С тех пор меня кличут
Кинжалом Из Бочки!

Второй голос
У мавров я рожден.
Однажды поутру
меня рабыня
упрятала на корабле,
идушем в Виго.
Она хотела, видно,
чтобы меня взрастили
на берегах,
откуда дитем ее похитили.
Теперь на судне я—солдатом-конвоиром
стремлюсь вперед,
страдая от цинги.

Третий голос
Мысли в башке у меня не желают собраться.
Мне сарацины отшибли остатки ума.
Но—отупевший—я все же запомнил Геуту,
где в мавританской галере, кнутом иссеченный, сидел.
Смерти страшней эта мука—и как про нее мне поведать?
Помню гуденье в ночи полнолуной «греческого огня»—
он подобрался к галере, плывущей по морю:
триста рабов на борту цепи порвать не успели!
Время бежит... Но боюсь, что судьба повторится.
Вот и молю: «Не забудьте пожара морского!»
Помните—триста закованных в буйном сгорели огне,
покуда флот балеарский свой смешок ядовитый,
как масло, в огонь подливал
и покуда гитары в Испании пели...»

Четвертый голос *(шутливо)*
Я—из Севильи юнга.
Славься, морская ширь!
Что мне цинга и порка?
Перец! Шафран! Имбирь!

Пятый голос (плача)
Я—пацан из Таррагоны.
Мне тоска без Таррагоны.
Мне тоска без Таррагоны!
Мне тоска без Таррагоны...

(Рыдает.)

Себастьян
В День Всех Святых рожден я в Виго был
и Себастьяна имя получил...
Мне с юности начертано судьбой
идти на мавров в беспощадный бой.

Но при да Гаме вдруг я занемог.
Он был, как мавр, отважен и жесток.
И, вероломству преданный вполне,
он мезтью наслаждался на войне.

Он упивался мщением всегда,
поверженные муча города.
Он пленных жег. Он обнажал свой меч,
чтоб толпы малабарские иссечь.

До пряностей и золота охоч,
мечтая о богатстве день и ночь,
он в битву шел с командой на устах,
а в сердце прятал малодушный страх.

Страх леденящ! Но душеньку свою
он все-таки разогревал в бою:
удел его ему казался мал—
Мадагаскаром он владеть желал!

Да, был его заветною мечтой
сокровищ полный берег золотой.
Он воином—с душою торгаша—
сраженье вел, корыстию дыша.

Вошедший в Малабар вослед за ним
одни руины видел, копыя, дым...
Он ненависть постиг как ремесло
и, уходя, повсюду сеял зло!

...Плывя теперь к Молуккским островам,
мы мирными гостями будем там.
И дальняя узнает сторона,
что нам торговля честная нужна.

Нас манит вдаль благоуханный свет,
где ни цинги, ни лихорадки нет!

Винсентос

Меня зовут Винсентос.

Я помню детство нищее свое.

Однажды ввечеру

я с фонарем кастильским роговым
искал заблудшую овцу.

Но попусту... И я воззвал к Творцу,
моля о лучших днях.

Они не наступили.

Игла да холст судам даруют мощь.

Теперь я швец — тачаю паруса,
о россыпях мечтая золотых.

Порой я мыслю так:

немного золота — и благодать,

немного золота — и благодать,

и жизнь на лад пойдет...

Но никогда не позабыть,

как я искал заблудшую овцу при свете
кастильского, из рога, фонаря.

Сильвио

Я, Марко Сильвио,

матросом в Исландию плавал.

И там, в краю студеном, на причале

красавицу, не виданную в мире,

засольщицу-рыбачку встретил.

О, не забыть мне никогда

изъеденные солью руки

красавицы, не виданной на свете,

руками бренными солившей рыбу бренную...

И я решил: перчатки из мерлушки

куплю ей!

И в Сан-Кристобале

три пары первосортных заказал.

Но, в Исландию прибывши вновь,

узнал я,

что ее чахотка в гроб свела.

Педро

Меня звать Педро; я матрос, который
в трактирах Виго

частенько со скандинавским людом

дрался. Я такой!

Отца чума и бедность унесла.
А я родился возле замка грандов,
где мать моя в кормилицах была
и кое-чем еще, по слухам, занималась.

Когда еще не вылез я на свет,
то гибели желали мне, то жизни,
то снова гибели... Но я родился
и сразу под лунною серебряной тарелкой
ногами стал сучить.

Кормилицею в замке мать была,
и я с балкона нередко слышал
сиеррских птиц. И грифов наблюдал,
пока она давала грудь и мне, и сыну гранда:
он левую, где сердце, брал, а я—другую.
Не думайте, что я—дитя любви.
Я был никто—никем рожден на свет:
каприз тщеславья, выгоды предмет!

Потом прогнали мать в долину, прочь,—
где я подрос, где выцвела она,
безрадостной нуждой окружена...
Потом—я на галеру угодил,
да никому не говорю про это.
Я прячу под вихрами на виске
клеймо, которое палач мне выжег.
Я сел за преступление. Я стал
Испании отрепьем жалким.
Галерник,
сколько раз я веслами взмахнул,
рыча и плача,—сосчитать нельзя.

Я понимаю, очень тяжело Фрио,
но он мне мерзок:
и он, и остальные
не в силах осознать
позора бездну,
в которой пребываешь,
не зная ни надежды, ни друзей...
Плывешь, плывешь
на барже наказанья—к горизонту.

Крики морских птиц, скрип блоков, свист ветра.

Педро. Если мы скоро не увидим землю, не знаю, что сделаю.

Винсентос. Я тоже. Тогда что-то случится.

Педро. У меня руки начинают чесаться. Это не к добру. Я говорю, что у меня чертовски чешутся руки.

Фрио. Помолчи, Педро. Не надо дважды говорить, что у тебя чешутся руки. Я умею разгадывать загадки. Научился на галерах.

Педро. Ты, со своими проклятыми галерами! В один прекрасный день я вызову тебя выйти один на один.

Фрио. Хоть сейчас, ежели хочешь. Начинай.

Винсентос. Будет, будет. Матросы, вы все время враждуете и ругаетесь. Педро! Разве ты не видишь, как блестят у него глаза. Да он за минуту измочалит тебя.

Фрио, успокойся. Наплюй на это.

Диас Реалес. Матросы, лежите спокойно. Не задирайтесь. Не будите меня, медведя, который спит в берлоге своей цинги. Помните мою кличку: Кинжал Из Бочки.

С верхушки мачты слышится крик.

Фрио. Что там? Кричит впередсмотрящий.

Винсентос. Земля, земля!

Голос с палубы. Земля! Земля!

Педро. О господи боже! Земля! *(Громко поет от радости.)*

Все громко поют от радости.

Музыка.

Магеллан *(про себя.)* О господи, будь благословен! Значит, это не залив, а пролив. А если так... Господи боже мой... значит, этот пролив выходит в море, где не плавал еще ни один шкипер. Тогда я подойду к Молуккским островам, обогнув землю. Вот чего, наверное, не предполагал этот обманщик Кай Ту, когда подсунул мне девятнадцать тюков второсортной коры душистой кассии вместо корицы. Быть может, в тот вечер, когда я брошу якоря с другой стороны островов, он будет себе спокойно сидеть и думать: а, этот шкипер Магеллан, да он уже мертв. А я вот живехонек. И появлюсь как-нибудь вечером с другой стороны земного шара. Тихонько брошу якоря и в сумерках незаметно поднимусь к красивому бревенчатому дому, в котором живет Кай Ту. Кто это там крадется?—спросит Кай Ту. Это только ветер, скажет его жена. Просто ветер. А это я—Фернан де Магеллан. Я

вхожу с *восточной* стороны дома. Ой, кажется, кто-то повернул ключ в двери, говорит жена и трясется от страха. Да нет, говорит Кай Ту. Это флюгер повернулся от порыва муссона. В это мгновение я рывком открываю дверь. О боги, кричит Кай Ту. Что я вижу? Призрак? Шкипера, который погиб несколько лет назад в плавании за пряностями! Тогда я подхожу к нему и даю ему пощупать мою руку. Вот уж тогда он поверит, что я живой, будьте спокойны. Я говорю: добрый вечер, Кай Ту. Сегодня я пришел с *этой* стороны, через *эту* дверь. Потому, что земля кругла и у нее форма глобуса. Об этом ты, Кай Ту, конечно, и не подозревал. А ну, тащи сюда сейчас же девятнадцать тюков цейлонской корицы, ведь ты надул меня на девятнадцать тюков! Слышишь!

Стук в дверь.

Войдите!

Себастьян. Доброй вахты, Магеллан!

Магеллан. Доброй вахты, Себастьян. Ну, как? Ведь это пролив, как я и предполагал?

Себастьян. Думаю, что да. Встречное течение заметно весьма отчетливо.

Магеллан. Я приказал тебе делать промеры глубины. Каковы результаты?

Себастьян. Они показали, что в проливе проходит узкий фарватер, глубиной в восемьдесят испанских сажений.

Магеллан. Тогда поставить паруса, включая «Генузец». Берегитесь ветра, дующего с гор. Я заметил, что он все время резко меняет направление. Это опасный ветер. Свистать всех наверх, пусть все будут на палубе, пока мы находимся в проливе. Как команда?

Себастьян. Неплохо. Сейчас они полностью заняты проливом. Кто заменит умершего профоса?

Магеллан. Тот, кто первый нарушит законы. Однако берегись! Ветер снова меняет направление. Вели поставить также и фок. Торопись! В этом месте проход, по видимому, наиболее узок, а течение самое сильное.

Себастьян. Слушаюсь и спешу наверх.

VII

Гул голосов на палубе. Издалека слышны ликующие возгласы. Хруст щебня и камней, трест веток под ногами, другие непривычные звуки, обычные для земли. Голоса на берегу.

Первый голос. Туземцы бежали, как только мы сошли на берег.

Второй голос. Я видел дикаря, одетого в шкуру. Огромного роста, но почти безбородый. Он бежал в заросли ивняка. Здесь! Как раз в этом месте.

Первый голос. А впереди него бежала женщина, почти голая—в такой-то холодище! Они, вероятно, привычны к стуже. Я пытался догнать женщину, но где там! Она, видно, увидела вождедение в моих глазах и умчалась, как бешеная.

Второй голос. Да, динга здорово подточила наши силы. Но все же. Если бы только можно было свернуть свои вождедения, как убирают паруса.

Первый голос. Напрасные мечты. Хватит болтать об этом. Кричи! Вопи! Это поможет. Смотри, костер на берегу. Это команда с флагмана! Пошли.

Третий голос. Клади побольше плавника в костер. Только не трогай бревно, я пеку ракушки в углях под ним. Вчера на «Сан Сальвадоре» повесился боцман. Он повесился во время вахты святого Петра от избытка мужской силы.

Смех.

Пейте, матросы. Это последняя бочка вина. Магеллан дал нам ее, чтобы мы не околели от стужи. Завтра снова в море

Шум голосов.

Первый голос. Трубач! Бей в барабан! Бей в барабан! Тебя шкипер произвел в музыканты. Так бей же в барабан!

Барабанная дробь.

Второй голос (*скандирует*). Есть барабан, где же игра? Есть игра, где же танцы? Вот и танцы, где же дама? Вот и дама, что как туча. Вот и туча, дождь пролей, вот и дождик, лей в пустыне. Смерть, песочек и репей.

Барабанная дробь.

Третий голос. Нет, давай про лорда Даддигана!

Барабан заливается мелкой дробью.

Первый голос

Лорд Даддиган на корабле шотландском
в Испанию отправился с разбоем.

Второй голос

Но встретился с Мальдэгрио Доронном,
и солоно пришлось обоим.

Первый голос

Они сцепились: корабль и меч.

Все в пух и прах! Надеждам крах!

Второй голос

Ты вернешься в Португалию, ноги потеряв.

Первый голос

А он в Англию вернется, ноги потеряв.

Звук барабана.

Второй голос

Инфанта из Кастилии
затеяла прогулку на галере.

Первый голос

Оснащена была трирема славно,
сто восемьдесят в ярусе гребцов.

Второй голос

Вблизи Могадора ее схватили в плен.

Первый голос

...и за испанский счет списали вскоре.

Второй голос

По милости инфанты
устроили мы гонку в море...

Первый голос

И в первый день погибло сорок семь!

Второй голос

В Кастилии немало грандов...

Первый голос

...но жизнь от этого не легче.

Второй голос

В долине Тахо нищий человек...

Первый голос

...голодного осла веревкой погоняет

Хором

Тяни домой канат испанской власти!

Тяни домой канат испанской власти!

Все вместе (*интонацией подражая колоколу* «тяни» — и колокольчику: «домой»).

Тяни домой! Тяни домой! Тяни домой! Тяни домой!

Мало-помалу голоса отдаляются и переходят в далекий перезвон двух колоколов, который понемногу нарастает, но затем снова постепенно слабеет и переходит в крики морских птиц.

VIII

Винсентос. Ну и ну! Опять парус «Фриго» лопнул! Я же говорил вам тысячу раз, что обычные гордени для него не подходят. Если уж паруса гнилые, как эти, то и подпирать их надо гордень-сеткой. Что вы за матросы? Иль я парусных дел мастер в доме для полоумных?

Педро. Точно. Так это и есть. Потому что это полоумное море. С тех пор как мы оставили пролив между гор, нас окружает сплошная мания величия. Море растет и растет само по себе. Превращается в пустыню безумия. Теперь я знаю, что это такое. Однажды я видел это во сне. Кошмар заключался в том, что все распухало, увеличивалось, становилось без конца и края.

Диас Реалес. Ха-ха-ха. А вот провианта все так же мало. И питьевой воды тоже. Все точно и удобно.

Винсентос. Хватит болтать. Возьми найтовы и делай гордень-сеть. И смотри у меня.

Педро. Черт возьми, ну и усердный же ты стал.

Винсентос. Представь себе, стал. А если не понимаешь почему, то могу тебе сказать, что у нас осталось пятнадцать испанских сажений нетронутой парусины. И это все.

Диас Реалес. И в этом ты обвиняешь нас. В том, что парусины стало не хватать.

Винсентос. Убирайтесь к черту, я сам сделаю сетку для паруса «Фриго».

Диас Реалес. Ты получаешь дополнительный паек. Мы знаем это. Выяснили.

Педро. Вот именно. И еще он каждый день получает глоток воды дополнительно.

Винсентос. Вы знаете, что я получаю полсухаря в день и полкружки воды дополнительно, потому что я все время сижу с варежкой для парусов на руке, всегда-всегда, не зная ни отдыха, ни покоя.

Диас Реалес. Плевать мне на это. Ты не должен получать больше нашего. Мы скребем старые шкуры и жрем отскобленное. А ты кушаешь сухарики.

Винсентос (*чуть не плача*). Полсухаря ем я. (*Плачет.*) Полсухаря.

Педро. Вот видишь. Хныкать можешь. А что это доказывает? То, что ты пьешь воду. В тебе есть вода.

Винсентос (*вне себя*). А у тебя хватает слюней в пасти, чтоб брехать. Правда, и в преисподней тоже сквернословят, а ведь там куда как сухо.

Диас Реалес. Ну хорошо, мы поможем тебе с горденьями—если дашь глоток воды. Хорошо? Немножко воды, ладно? Только капельку.

Винсентос. Вот вода, возьми. Ты, конечно, думаешь, что она очень свежая.

Диас Реалес. Отлично. Давай сюда. Уф, черт возьми. Да это же гниль.

Винсентос. Вот именно. Такую дают грешникам в преисподней, когда у тех пересыхает в горле. Помоги-ка

мне лучше сшить парус «Фриго». Без паруса не добраться до земли.

Педро. Боже мой! Я больше не могу, не могу.
Себастьян. К парусам.

Недовольный ропот.

Поднять фок, Магеллан только что отдал приказ взять курс западнее. *(Просительно.)* Вот так. Еще раз. Я прошу вас, ребята: еще один только разочек.

Ворчание.

Педро. Вот так всегда: еще разочек, еще разочек. Когда мне стукнет семьдесят, незавидную жизнь буду я вспоминать. Жизнь среди смолы и дегтя. И всегда, как похоронный колокол, одно и то же: еще раз, еще раз, еще раз. Я купил в Сагрее мешок ветров. Если остров, который обещал шкипер, не появится скоро, я развяжу узел и выпущу ураган.

Винсентос. Тише, тише. Колдовство подпадает под закон о морском разбое.

Звонит судовой колокол.

Юнга. Идет вахта святого Петра! Проверка парусов, канатов и найтов!

Педро *(хрипло)*. Да, проверяется все, только наш голод и наша жажда никого не интересуют. Добрый день, голод! Добрый день, жажда! Как вы себя чувствуете на этой посудине? Ну что ж, к парусам! *(Ворчит.)* Капитан Себастьян! Еще разочек. Еще разочек.

Юнга *(удаляется)*. Вахта святого Петра! Вахта святого Петра!

Звонит судовой колокол.

Магеллан *(читает вахтенный журнал)*. «Вахтенный журнал флагмана „Виттория“ на триста пятнадцатый день после отплытия от мола в Севилье. И так наша плоть умерщвлена от голода, что все парусные и такелажные работы мы делаем словно в оцепенении. Одна лишь привычка заставляет нас пока еще ловить ветер и двигаться как во сне, так что каждый день, что кончается с заходом солнца, и каждый час, что утекает в песочных часах, становится для нас все более трудным подвигом. Сегодня преставился Рикардо Мария Бузнавентура Кордоба Готес, расторопный и ловкий юнга, о котором мы все скорбим. И еще судовой аптекарь и фельдшер; он бросился в море из-за тяжелых дум, в душевном смятении, которое на судне все более распространяется в размерах, угрожающих даже всему нашему плаванию. Все же я с

помощью инструментов сделал исчисления и нашел, что...»

IX

Пробило восемь склянок. Скрип блоков.

Голос (*выкликает нараспев в отдалении*). Идет вахта святого Луки!

Бормотание и ропот на палубе.

(*Близко.*) Вахта святого Петра на отдых.

Педро. Святой Лука, я голоден!

Винсентос. Святой Петр, я голоден!

Фрио. Все мы голодны. Вахта святого Петра на отдых, и то слава богу.

Хор. Мы голодны.

Фрио. Все мы голодны.

Голоса, беготня по трапам.

Педро. Как только я слышу, что где-то грызет крыса, я схожу с ума! Я хочу ее! Я хочу ее! Вонзить в нее зубы! Глодать ее, обсасывать кости! (*Плачет.*) Бунтовать, бунтовать!

Фрио. Педро, Педро! Ты сошел с ума! Потерпим еще немного. Может быть, ночью, в темноте, из воды появится какой-нибудь остров.

Педро. Иди к дьяволу! В ночной темноте крыса грызет мою душу! Здесь она, здесь за переборкой! Вот здесь, в углу! Разве не слышите, как она грызет? Я должен поймать ее! Я взломаю, взломаю перегородку, клянусь богом на небесах!

Винсентос (*со скрытой угрозой в голосе*). Она не только твоя, Педро! Мы все имеем право на кусочек...

Фрио. Тот, кому ее посчастливится поймать, обязан поделиться самое малое еще с одним человеком.

Педро. К черту, парень! Не запутывай игры. Я первый услышал ее.

Винсентос. Что, хочешь все же попробовать? Думаешь только о себе. Только о своей поганой жизни. Каждый из нас знает, что крыса грызет в этом углу по крайней мере три дня.

Гул голосов.

Сильвио. Да, если не четыре. Кстати, это я услышал ее как-то вечером, когда у меня было дело здесь во время вахты святого Петра.

Злобные голоса.

Диас Реалес. Ты? Как бы не так! Каждый знает, что мы услышали ее все одновременно три дня назад перед самым судовым обходом. Шкипер Магеллан сам слышал ее.

Смех

Я знаю, что он слышал ее. Потому что я видел, понимаете, видел, он стоял здесь на пороховом погребе, и тогда я увидел, понимаете вы, увидел, как он сжал кулаки, прижал их к бокам и глотал, глотал слюну. А я сидел здесь, съезжившись на корточках. А под одеждой у меня был кинжал. Я думал вонзить его ему в спину. Но, когда я увидел то, что увидел, я не сделал этого.

Педро *(с издевкой в голосе)*. И за это ты, конечно, один получишь крысу, как вознаграждение за твою верную службу.

Диас Реалес *(с ненавистью)*. Берегись, Педро.

Винсентос. Тихо. Караульный солдат слушает у дверей.

Диас Реалес. Пусть слушают эти свиньи. Когда мечтаешь о крысе на ужин, меньше всего боишься пики и меча.

Сильвио. Мне надо...

Фрио. Что тебе надо?

Сильвио. Мне надо выйти по нужде. А потом я прокрадусь через палубу к капитанской каюте, притаюсь и послушаю, все ли голодают одинаково на флагманском корабле «Виттория». Я сразу же вернусь назад. Открой дверь! Вот так.

Солдат *(снаружи)*. Пароль, приятель!

Сильвио. Мне надо выйти по нужде!

Солдат. Проходи!

Педро. Что за необходимость солдату караулить нас?

Винсентос. Не знаю. Тронулся, наверное. Он, видно, думает, что несет службу в Гранаде. Охраняет королевский дворец.

Фрио *(сквозь зубы)*. Крыса снова грызет. Снова грызет!

Педро Иисусе, да пусть я лучше помру. Помогите мне! Я не хочу больше думать об этом отвратительном животном, которое занесло чуму в Португалию!

Ропот

Винсентос. Господи, господи, помоги нам чем-нибудь, хоть чем-нибудь! Дай нам знак, пошли остров!

Стоны.

Фрио (*умоляюще*). Ну постарайтесь же! Постарайтесь потерпеть еще немного.

Стоны.

Подумайте о шкипере Скольпе, о котором матросы из Скандии поют в кабаках в Виго. (*Торжественно, с пафосом.*)

Шкипер Скольп родню покинул
и в далекий Винланд двинул.
Исчерпав свои надежды,
в Данию вернулся шкипер.
Он невиданные виды повидал.
Он за кружкой в Виго рассказал, что повидал...
И внимал ему — Колумб!

Скрип блоков. Шаги караульных солдат по палубе.

Сильвио (*разговаривает сам с собой*). Блоки на ветру скрипят зловеще, точно кричат гарпии. Я боюсь! (*Тяжело дышит.*) Караульный посмотрел на меня таким злобным взглядом, словно хотел пронзить меня мечом и съесть. Он свихнулся от голода. Вот опять! Он снова ищет меня! Спрячусь-ка я здесь. Вот так. Теперь я закрыт фокком. А сейчас заберусь на полуют и послушаю, что говорится внизу, в каюте Магеллана. Неплохо же я устроился. Посижу, послушаю. Что он говорит? Молится?

Магеллан. И это есть чистилище. Мы ведем корабли очищения. Те, кто последует за нами, найдут преддверье рая, но это будем не мы. Себастьян обессилел от голода. Меня же терзает безумие.

Открывается дверь.

Кто там?

Монте. Это я, Монте, твой каютный слуга.

Магеллан. Хорошо. Тогдаходи. Мои глаза опухли от бери-бери. Мое зрение затуманилось. Сколько птиц удалось тебе поймать в сети?

Монте. Все девять, после больших трудов. Только девять летело с нами. Это море такое большое и безбрежное. В нем, как видно, совсем нет птиц.

Магеллан. Видишь эти листья? Приправь ими птиц. На вахте святого Эльма разделишь их среди команды.

Сильвио (*разговаривает сам с собой, сидя на полуюте*). О господи боже, будет птица. (*Быстро, как безумный.*) Будет птица, будет птица! (*Тяжело дышит.*) О-о!

Монте. И еще были летающие рыбы. Сегодня я смог поймать сачком только одну. На рассвете они словно

издеваются, летают тучами — семьсот тысяч штук. Сегодня мне удалось поймать только одну, и такую маленькую. Она здесь, плавает вниз головой в этом ведрке с соленой водой.

Магеллан. Дай-ка ее мне. Можешь идти. Я поворожу на ней. Иди.

Монте уходит.

Я готов на все. Буду бормотать заклинания. Брошу заклинания в море и вытащу их снова, лишь бы я мог плыть, лишь бы нашел хоть какую-нибудь землю. Во имя святого, смилосердствуйся, рыба, ты, раздувающая жабы в ведрке. Помоги хоть немного нашему флоту, ищущему спасительные острова. Я поиграю тебе на моей дудке из дерева корицы. *(Наигрывает на дудке мрачную мелодию, как бы заклиная духов.)*

О́стия, По́ма, Кя́я,
Э́лия, Э́фрази, Ка́га.
Закон индийский
для Элии, для Эфрази,
для слона-южанина,
для Каги, для Остии.

Мелодия замирает в ропоте голосов. Скрип блоков.

Магеллан. Добрый ветер. А в общем-то дела неважные. Каждый видит голых женщин и горы еды. Но, стоит протянуть руку, все исчезает, остается лишь добрый ветер. Однако что это? Что здесь лежит? Сильвио. Почему ты валяешься здесь, у дверей каюты? Отвечай мне, Сильвио. Нет, молчит. Дай-ка я потрясу его. Сильвио! Сильвио! Мертв? Да, он мертв.

Шаги караульного солдата.

Кто идет? Караульный? Стой! Что ты делаешь здесь, на палубе? Кто поставил тебя караулить нас, осужденных на смерть?!

Караульный *(мертвым, безжизненным голосом)*. Пароль, приятель!

Магеллан. Пароль? Ты что, с ума сошел?

Караульный *(тем же безжизненным голосом)*. Пароль, приятель, а не то я тебя проткну.

Магеллан *(быстро, громко)*. Защищайся, сумасшедший.

Фехтуют.

Караульный. Ай! Ай!

Магеллан *(тяжело дышит)*. Я убил его.

Монте *(подбегает)*. Матерь божья! Что случилось?

Магеллан. Караульный свихнулся и напал на меня. Защищая свою жизнь, я заколол его.

Голос (*кричит*). Час святого Эльма настает. Вечерняя проверка верхнего такелажа.

Магеллан (*повторяет*). Час святого Эльма настает! Огни святого Эльма!

Первый юнга (*четко, нараспев*)

Тебе послушны, шкипер, мы
с приходом тьмы.

Второй юнга

Наше судно миновала божья кара:
ни чумы, ни чужеземцев, ни пожара.

(*Звонит в колокол.*)

Х

Лейтенант. Ваше преподобие.

Священник. Да, сын мой?

Лейтенант. Мир бесконечен. Голод давит меня. Отчаяние разъедает. Скажите несколько слов, они мне нужны. Расскажите то, что вы как-то читали, эту индийскую легенду об основании, на котором лежит мир.

Священник. Сын мой, сын мой. Это легенда язычников, это ересь.

Лейтенант. Так расскажите ее как ересь, как пример ереси. Я должен слышать слова. Я должен слышать много-много слов в эту немую ночь в океане.

Священник. Ну что ж, тогда я расскажу тебе ее, сын мой. Но только пусть она на тебя не подействует. Итак. (*Говорит нараспев.*) Наша земная юдоль, в коей Средиземное море и индийские моря есть лишь озера, покоится на спинах четырех белых слонов, каждый подпирает угол земли; таким образом, тот слон, что повернут на восток, по утрам хоботом бросает вверх солнце, а когда оно подходит к середине неба, его принимает слон западный, который от середины свода хоботом своим ведет его к закату.

Подобно этому северный слон ведет месяц по своду. От трубного звука слона южного образуется гром небесный.

Говорят, эти четыре слона стоят на спине черной черепахи, которая во веки веков плавает по океану Бесконечности. А про свод небесный и знаки Зодиака можно сказать...

Крик на палубе: «Земля! Земля!»

Лейтенант. Они кричат «Земля». Земля! Земля!

С. радостными криками священник и лейтенант выбегают на палубу. Среди радостных криков — звук трубы.

Магеллан

Ночная тьма черна. Спускаем якоря.
Вон остров — он необитаем.
К нему на шлюпке подплываем.
Вокруг утеса рыщем с фонарями.
Вдруг эхо донеслось — там не вода ли?
Нет, пусто! Кто над нами шутит?

Юнга. Сюда! Здесь ручей. Источник!

Хор радостных кликов.

Фрио. Пей, Педро, пей!

Педро. Пей, Винсентос, пей!

Несколько голосов (*перебивая друг друга*). Иди сюда, пей! Пей, пей! (*Стараясь перекричать друг друга*.)
Иди сюда, пей!

Винсентос. Мы осушили весь источник. Мы взяли источник с собой в море. Его хватило на три бочки.

XI

Голос (*читает*)

Сколь островами Океан богат!
Миллионы их, разбросанных, как зерна.
А между ними водные пустыни —
на много тысяч, много тысяч миль...

Лейтенант. Крюйтмейстер! Сюда!

Крюйтмейстер (*недовольно*). Что нужно?

Лейтенант. Сколько осталось в живых из нашего эскорта?

Крюйтмейстер. Трое. Двое умерли в ночь. В утренней поверке нет надобности. Утренние упражнения с копьями не нужны. Нам больше не понадобятся копья.

Лейтенант. Выстройте этих троих здесь, в тени паруса. Станьте в строй сами, как другие. Я собираю вас сегодня по иному поводу. Исполняйте.

Крюйтмейстер. Как угодно вашей милости! Солдаты! На утреннюю поверку становись!

Слышно, как маршируют солдаты.

Лейтенант, ваше приказание исполнено. (*Язвительно*.)
Каталонский легион построен.

Лейтенант. Хорошо! (*Повысив голос*.) Солдаты! Матросы мрут как мухи. Мы все нужны для такелажных работ. Магеллан говорит, что иного выхода нет. Ночью он просил меня, чтобы отныне мы работали как юнги.

Ропот среди солдат.

Солдаты, я много думал об этом сегодня ночью. Что скажешь, крюйтмейстер?

Крюйтмейстер. Сделаю, как ты, господин лейтенант.

Лейтенант. Хорошо. В таком случае я откладываю мой меч в сторону, снимаю панцирь, латы и пояс. Вот так. И приступаю к морской службе. Иного выхода нет. Я прошу вас: делайте, как я.

Крюйтмейстер. Солдаты, поддержим лейтенанта. Иного выхода нет. Кладите копыя, отстегивайте латы. Мы нужны для такелажных работ.

Солдат (*жалобно*). Что ж, для меня нет разницы. За это долгое путешествие мы стали почти матросами. Я иду на такелаж.

Второй солдат. Да, все едино. Погибнуть во время штурма или упасть с такелажа в это чертово море. Я иду на такелаж.

Третий солдат. Лезть на рожон можно там, где жизнь или война идет своим обычным порядком, где много петухов и кур, но здесь? Все изменилось. Я иду на такелаж.

Крюйтмейстер. Тогда кладите копыя и пики в шкаф для оружия. Если Магеллан когда-нибудь найдет землю, они нам еще понадобятся. Доложите капитану Себастьяну, что вы готовы.

Магеллан (*читает вахтенный журнал*). «Из вахтенного журнала флагманского корабля «Виттория» на четверста первый день после отплытия от мола в Севилье. Несчастья пошли одно за другим в таком количестве и так быстро, что я уже не успеваю их как следует записывать. Все мы охвачены страхом, и нам так противно постоянно видеть вокруг себя людей только мужского пола, что мы стали ненавистны друг другу и наливаемся злобой при виде друг друга. Даже искренне оплакивать наших мертвых мы не можем, потому что все перемешалось в наших чувствах. То, что в нас было от святых, стало дьяволом. То, что было от дьявола, стало святым. Нас мучают голод и жажда. Мы не оплакиваем больше смерть наших близких, наши души стоят на голове. И все же я надеюсь вскоре увидеть землю. (*Понизив голос.*) Я молю тебя, всемогущий, смилуйся над нами. Наши силы сломлены, наши чувства смешались. К чему испытывать нас дальше, если пред нашим внутренним оком даже твой образ все больше и больше искажается. Оборви лучше нити жизни нашей. К чему испытывать безумных, которые и так сломлены. Доминго мертв, и три корабля погибли. О боже всемогущий. Никогда не думал я, что

встречу такую жестокость».

Себастьян. Вахта святого Петра снова застывает. Будут ли новые приказания?

Магеллан. Поставьте все паруса, которые только можно. Единственное, что может нам помочь достать пищу и сберечь жизнь,— это паруса. Нам надо плыть на всех парусах или умереть. Каютный слуга умер, отравившись ядовитой рыбой. Все мы в плену у судьбы. Вся сила наша в такелаже и парусах. Моя единственная надежда — это надежда на прочность парусов. Чудес мы не можем совершить, но плыть на всех парусах мы можем. Отдай мою сегодняшнюю порцию парусных дел мастеру.

Себастьян. Какой рацион будет сегодня?

Магеллан. Полкружки воды с тремя каплями уксуса. Больше дать мы не сможем.

Себастьян. А еда?

Магеллан. По горстке муки из корней, найденных на последнем острове, на человека.

Себастьян. О господи боже! Ведь корни — это же дерево. По горсти опилок! *(Плачет.)*

Магеллан. Ну вот. От слез будет еще хуже, Себастьян. Я плакал вчера, но потом почувствовал, что тело лишь теряет драгоценную жидкость.

С палубы, около дверей каюты слышно:
Вахта святого Луки уходит!
Идет вахта святого Петра!
Час фонарей!

Звонит судовой колокол.

Магеллан. Идет вахта святого Петра. Иди и делай, как я приказал, Себастьян. Продержись еще немного! Еще немного!

Себастьян. Я сделаю это, Магеллан. Боже, защити нас всех в эту ночь. *(Командует.)* Вахта святого Петра! На палубу!

Педро. Выскребли весь корабль. Когда же будет обещанный остров, чертов шкипер? Я лежу здесь, парализованный жаждой и цингой. Отвечай!

Магеллан *(со слезами в голосе)*. К вечеру. Я обещаю остров к вечеру.

Педро *(задыхаясь)*. А если его не будет?

Магеллан. Если не будет? Не будет? Остров будет обязательно.

Себастьян. О время унижений. Мне бы только подняться, но у меня совсем отнялись ноги. *(Стонет.)* Держись, лейтенант!

Лейтенант. Нет, нет. Будь проклято это море. Будь благословенна твердая земля Испании! Каплю воды. (Стонет.) Только каплю воды.

Магеллан. Я обещаю остров к вечеру.

Лейтенант. Кто это там бредит?

Педро. Некто Фернан Магеллан, навигатор и шут, который привел нас к гибели.

Себастьян. Смотрите, что-то летит. Большое насекомое!

Магеллан. Где? Покажи мне!

Себастьян. Там, там! Господи боже!

Магеллан. Это стрекоза. Что-то вроде стрекозы. Наверняка, она летит между двух островов. О господи боже. Благодарю тебя. Она живет в болоте, где-то в близлежащей местности. Я вижу, вижу! Да, да! Господи боже. Мы совсем ослепли! Что? Мы совсем ослепли! Там, смотрите, там! Там остров! (В неопишуемой радости.) Там остров. Там остров. И киль скребет по песку. Большая земля! Новая земля!

Крики радости, пушечные выстрелы.

XII

Спустя два дня.

Себастьян (*запыхавшись*). Капитан! Что думаешь делать? Островитяне точно сошли с ума. Наши матросы пытались овладеть их женщинами. Теперь вождь племени взял в залог питьевые бочки с обоих галеонов. Капитан Хуан пришел доложить об этом.

Магеллан. Пусть войдет.

Хуан. Капитан Магеллан! Я хотел бы, во-первых, выразить сожаление в связи с событиями, имевшими место во время плавания, и отдать должное мужеству мертвых. Однако что было, то было. Лишения, которые мы вынесли,—далеко за пределами человеческих возможностей. А сейчас прошу у тебя совета. Как поступить с двумя матросами, которые пытались овладеть туземными женщинами? Вождь племени взял десять бочек с питьевой водой в залог и приказал оградить источник. Теперь он требует, чтобы эти два матроса были повешены на ноке или переданы племени. Прошу твоего совета и приказа.

Магеллан. Хорошо! Я не могу отдать приказ. Бог свидетель, что нам нужны наши матросы. Кроме того, мы нашли еще один источник, поменьше. Я послал туда двух матросов, чтобы они принесли воду в корыте. Одну бочку

мы успели поднять на борт, прежде чем на нас посыпались стрелы. Я сам пойду на переговоры с вождем.

Себастьян. Я не советую тебе играть со смертью.

Хуан. Я тоже. Дай лучше два пушечных выстрела по деревне и выставь свои условия или сделай знак — и я повешу этих двух матросов на рее, так чтобы увидел вождь.

Магеллан (*гневно*). Нет! Лучше я сам повешусь на рее. Или пусть пронзят меня их стрелы. Старый испанский обычай: сначала собирать урожай, а потом вести переговоры с мертвым жнивьем! Пусть этим занимаются Кортес и другие *герои*. Если обо мне будут говорить, то пусть говорят как о человеке, несущем мир. Я ненавижу грабительские войны, которые Испания ведет за честь, золото и перец. Чуть что, сразу хватаются за оружие!

Хуан. Ты говоришь как священник, Магеллан.

Магеллан. Да! А почему? Разве смерть не достаточно поразбойничала среди нас? Моя совесть смертельно больна. Я недооценил величину земли. Что знал Колумб о размерах нашего земного шара?

Хуан. Так наша земля — шар?

Магеллан. Да, сегодня я могу поклясться в этом!

Себастьян. Говори до конца. Ты видел знаки?

Магеллан. Да. Береговые рыбы и растения очень напоминают те, которые водятся у самого восточного острова на Молукках. Вот что написано в моем вахтенном журнале с галеона «Нуэстра Мадре», ходившего за пряностями, от девятнадцатого дня месяца октября в лето господне тысяча пятьсот седьмое. (*Читает.*) «Теперь грузят пряности и раскладывают корзину с малабарского берега, так чтобы она находилась сверху, поскольку ее нужно хорошо проветривать и она быстро портится от трюмных испарений. Утро ясное». Далее следуют показания компаса в то время, когда взошло солнце. Себастьян, сравни их с утренней записью нашего вахтенного журнала! Сделай навигационные расчеты. А теперь произведи вычисление шкипера Фингала.

Себастьян (*бормочет числа*). Боже мой!

Магеллан. Вот так! Следовательно, мы приближаемся к Молуккским островам с другой стороны земли. Я думаю попасть туда через двадцать суток, если скорость будет четыре с половиной морских лиги.

Хуан (*восхищенно*). О Магеллан, Магеллан!

Себастьян. Магеллан! Магеллан!

Магеллан. Не хватает только бочек с питьевой водой. Я пойду на переговоры с вождем. На рассвете мы сможем отплыть. Ветер дует прямо в направлении Мо-

луккских островов.

Себастьян. Но, Магеллан! Два матроса, которых мы послали к малому источнику, тоже не вернулись.

Магеллан. Наверное, их обнаружили, и сейчас они в плену у туземцев. Я иду к вождю. И еще, что бы ни случилось, не стреляйте по берегу. Теперь я уже сожалею о торжественном салюте, который мы дали на днях. Нам может понадобиться каждая крупинка пороха против пиратов в Аравийском море.

Из туземной деревни доносится глухой бой барабанов.

Тише. Они начали бить в барабаны. Самое время идти к вождю. Мы не можем себе позволить ни пролить кровь, ни повесить матросов. Уж слишком длинна обратная кривая до Севильи. Очень долгий путь домой. Себастьян! Сеньор мой! Если со мной случится что-нибудь, то не свирепствуй, а вернись на корабли, плыви к Молуккским островам и возвращайся назад в Испанию. Вот письмо к матери моей в Лиссабоне. А если ты будешь проходить мимо часовни у Трес Пиедрас, то увидишь нищего монаха. Он обычно сидит там и смотрит на море. Его считают блаженным. Попроси его как-нибудь прочитать молитву за Магеллана.

Себастьян. Ты уходишь. Ты думаешь, что умрешь. Ты оставляешь нас одних.

Магеллан. Да, нам необходимо добыть нашу воду. Нам необходимо добраться до источника.

Себастьян (*про себя*). Господи боже мой! Он устал. Теперь, после того как он проплыл половину земного шара, мне придется нести ответственность за другую половину. Слишком тяжелая ответственность. (*Кричит.*) Останься, Магеллан! (*Про себя.*) Нет, ушел. Вон он там, Магеллан. Устало, сгорбившись, идет по песку. Похоже, что он плачет. В последнее время у него была бессонница. Кажется, он совсем не спал пятнадцать или шестнадцать суток. Такое очень подтачивает силы.

Хуан. Уж будь уверен. Да и разум, наверное, тоже разрушается. Мне следовало послать за ним копейщиков для защиты. Но может быть, он прав: мы слишком слабы, истощены голодом и цингой, выглядели бы смешными в сражении.

Себастьян. Он часто отказывался от своей порции в пользу матроса Педро, самого большого скандалиста на всем корабле. Сам бы я повесил матроса как можно выше на рангоуте. Но может быть, у Магеллана есть свои соображения, неведомые остальным: он рассчитывает

выиграть время, заключив мир, и за это время отплыть.

Барабанный бой становится резче.

Барабаны бьют быстрее. Племя настраивает себя на воинственный лад. Магеллан теперь почти у хижин. Он делает им знаки на пальцах, научился этому на Молуккских островах.

Хуан. Сколько же там дикарей, несколько тысяч, наверное. Они собрались со многих островов.

Себастьян. Сейчас он уже на месте. Они столпились вокруг него, его совсем не видно. Где он? Невозможно разглядеть среди этой массы людей.

Барабаны бьют еще быстрее, затем внезапная тишина.

Хуан. Барабаны замолчали. Вот он, решающий миг. Смотрите, они двинулись сюда.

Себастьян. О боже! Они идут лавиной. Где же Магеллан в этой лавине дикарей? Я не вижу его. Море перьев и лес копий закрывают его.

Шум и крики дикарей.

Нет! Нет! Его убили. Его нигде не видно. Они наступают на корабли. Трубач! К оружию!

Звуки сигнальной трубы, выстрелов, шум боя.

Магеллан (*слабым голосом*). Себастьян, это ты? Я тебя больше не вижу.

Себастьян. Да, Магеллан, это я.

Магеллан. Зачем вы стреляли? Мне почти удалось договориться без пальбы. И в этот момент вас охватил страх. Вы начали стрелять, и тогда они закололи меня. Они снова идут на приступ, и, раз уж мы начали, теперь надо спасти наши жизни и корабли. Поэтому пусть заговорят пушки! Дай сигнал!

С кораблей доносится канонада. Со стороны дикарей слышны крики.

Себастьян (*читает вахтенный журнал*). «Когда пробило семь склянок, сразу перед началом вахты Петра, отдал богу душу наш добрый капитан Фернан де Магеллан. Мы предали его тело земле под деревьями в лесу, где произрастает корица, в том месте, где мы нашли наши бочки для питьевой воды. Мы погребли также Педро, Винсентоса и лейтенанта Маризо. Теперь мы плывем к Молуккским островам. Ветер почти попутный, довольно свежий. Облака очистили небо, и созвездия хорошо видны. Все совпадает с расчетами Магеллана. Себастьян де Кано».

Голос. Идет вахта святого Луки!
Себастьян (взволнованно). Идет вахта святого
Луки.

Несколько тактов музыки.

Плывем мы упряжкой, собравши в кулак
Терпенья последние крохи...
Средь моря бескрайнего драма идет:
Мы сердцем устали, дела наши плохи.

Прошли мы по грани последнего дня,
Теряя надежду и силы...
И кажется: ветра морского порыв —
Как ропот беды возле свежей могилы.

Краткая мелодия.

Фернан-португалец! Найти ли слова,
чтоб славу дорогам твоим протрубили...
Он, рыцарь корицы и мирного флота глава,
покоится нынче в могиле.
Терпение, воля и мудрый расчет
Фернана вели в кругосветный поход —
и он Колумбову мысль доказал.

Органная постлюдия, постепенно переходящая в одинокое соло на
флейте.

В июле 1522 года у причалов Севильи бросил якорь единственный и
жестоко потрепанный галеон «Виттория» под командой капитана Себа-
стьяна де Кано.

Только 31 человек из 180 вернулись домой. Из пяти кораблей осталась
только «Виттория». Первое судно, обошедшее вокруг Земли.